

AperTO - Archivio Istituzionale Open Access dell'Università di Torino

Колонизация в позднеимперской России: история понятия

This is the author's manuscript

Original Citation:

Availability:

This version is available <http://hdl.handle.net/2318/1662112> since 2018-03-15T16:38:17Z

Publisher:

Poligraficheskij centr KAN

Terms of use:

Open Access

Anyone can freely access the full text of works made available as "Open Access". Works made available under a Creative Commons license can be used according to the terms and conditions of said license. Use of all other works requires consent of the right holder (author or publisher) if not exempted from copyright protection by the applicable law.

(Article begins on next page)

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П.А. СТОЛЫПИНА
AV IMPERIO
ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША В ИРКУТСКЕ
ЛАБОРАТОРИЯ ИМПЕРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИИ

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ

Сборник научных трудов

Омск
Полиграфический центр КАН
2016

УДК 950
ББК 63.5
А355

Редакционная коллегия сборника:

к.и.н. Н.Г. Суворова
к.и.н. С.А. Мулина

Рецензенты:

доктор исторических наук профессор П.И. Савельев
доктор исторических наук профессор Т.Б. Смирнова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-14057)

А355 АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ЛЮДИ И СТРУКТУРЫ ИМПЕРИИ : Сб. науч. тр. – Омск:
Полиграфический центр КАН, 2016. – 480 с.
ISBN 978-5-9931-0367-9

УДК 950
ББК 63.5

ISBN 978-5-9931-0367-9

© Коллектив авторов, 2016
© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2016

the memoirs of contemporaries, the writings of historians and researchers of Regional Studies, the researching archival and genealogical sources. When covering controversial points biography on his family, kinship, contribution of Kaznakov's generations to the history of Russia, preserving the historical memory of him.

Key words: governors-general of Western Siberia, ZSO IRGO, the city of Omsk, the reform era, the officer corps, the genealogy of Russian nobility, the school guard sub-officers, Penza Province, Ak-mola Province, Historical memory.

УДК 930.1(091)

А. Масозро

КОЛОНИЗАЦИЯ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

Эта статья является частью более крупного проекта по исследованию представлений о переселении и колонизации в позднеимперской России. Я в долгу перед многими коллегами, которые прокомментировали более ранние версии рукописи и обсуждали со мной эту тему. Я благодарен, в частности, М. Басину, Дж. Бербанк, М. Буттино, А. Эткинду, А. Грациози, П. Холквисту, Н. Пианциола, Е. Правиловой, П. Сартори, У. Сандерленду, Н. Суворовой и Р. Уортману. Наибольший долг, однако, к щедрой помощи Анатолия Ремнева – сибирского историка империи. Это эссе посвящено его памяти.

Данная статья была впервые опубликована на английском языке в журнале «Критика» (Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. Vol. 14. № 1. P. 59–91). Русский перевод осуществлен с разрешения автора и издателей при посредничестве переводчика И.В. Малмберг.

Аннотация. Данная работа исследует дискурс колонизации в изложении интеллектуальной и административной российской элиты, включая её неофициальную и оппозиционную составляющие. Автор прослеживает, как современное представление о переселении возникло из прежних моделей территориальной трансформации, из тщательного изучения колониального опыта Запада и из необходимости решать проблемы, созданные политическим и интеллектуальным контекстом пореформенного периода.

Ключевые слова: колонизация, переселение, Переселенческое управление.

На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. царский павильон включал в себя специальный окраинный отдел, посвященный областям, находившимся на периферии империи. По этому случаю П.П. Семенов-Тянь-Шанский подготовил карту (рис. 1), на которой была изображена линия, простиравшаяся от самых северных районов Европейской части России до Сибири, Степного края, Туркестана и Кавказа. Идея постепенной колонизации этих обширных малонаселённых территорий стала политическим императивом последнего десятилетия существования Российской империи. В своей программе реформ премьер-министр П.А. Столыпин отводил колонизации центральное место. К началу Первой мировой войны был собран значительный объем отечественной литературы по вопросам *переселения* и *колонизации*, которая представляла собой целый массив знаний, накопленных за время тщательного изучения зарубежных моделей. Литература включала в себя теоретические трактаты, практические руководства, периодические издания, такие как «*Вопросы колонизации*» (1907–1917).

В 1914 г. в одной авторитетной полуофициальной публикации было провозглашено, что «земли Азиатской России – это неотъемлемая и неотделимая часть нашего государства – в то же

время и единственная наша колония» [1, т. 1, с. VIII; Слова «неделимой и неотъемлемой частью нашего государства» созвучны первой статье Основных законов, 1906. См.: 2, р. 248, 266]. Как такая терминология стала использоваться в Российской империи? Что именно подразумевали российские авторы под словом колонизация и какие смысловые нюансы приобрело это слово в десятилетия, предшествовавшие революции?

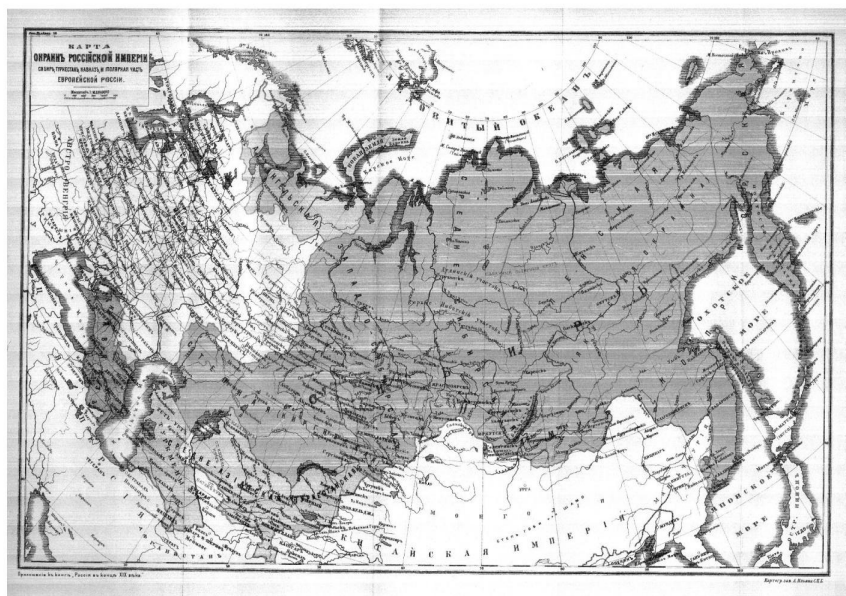

Рис. 1: Карта окраин Российской империи, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, ред., *Окраины России: Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России, с приложением карты окраин Российской империи* (СПб.: Брокгауз – Эфрон, 1900).

Понятие «колонизация» не используется здесь для описания столетий территориальной и демографической истории. Предметом анализа является не социально-экономический факт миграции крестьян, а связанная с ним концептуализация. Концепт «колонизации» был выборочно заимствован из европейской литературы примерно в середине XIX в. Здесь он рассматривается в период его появления в дискуссиях по поводу заселения и интеграции окраин империи, преимущественно восточных районов, в дискурсе, касающемся организации перемещения населения, обеспечения пребывания людей на вновь заселённых территориях и выделения ресурсов. Как и в случае других европейских экспансий, на практике российские поселения на восточных территориях были результатом «беспорядочного взаимодействия частных лиц и принудительной силы государства» [3, р. 5]. Правительственная политика была лишь одним из факторов, влиявших на развитие окраинных областей, а исследование теорий колонизации следует отделять от истории колонизованных областей, которая зависела от многих местных процессов, лежащих за пределами данного исследования.

Данная тема привлекла серьезное внимание историков, рассматривавших вопрос с различных точек зрения [Примером классических исследований по теме являются: 4–6; для историографического обзора, см.: 7; 8, р. 108–116; 9]. М. Бассин изучал отношение между географическими репрезентациями и национальным самосознанием. В. Сандерленд исследовал отношение к переселению общества в целом и его восприятие крестьянами. Он переосмыслил тему внутреннего переселения в духе дореволюционной историографии и предложил общую периодизацию миграционного процесса, необходимую для оценки неоднородности имперского подхода в поздний период. А.В. Ремнев рассматривал колонизацию как процесс институционального и ментального присвоения Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, как механизм империи- и нациостроитель-

ства. Анализ восприятия переселенцев современниками, проведенный А.В. Ремневым и Н.Г. Суворовой, является непревзойденным примером тонкого и глубокого исследования и помогает объяснить, почему политика колонизации проводилась особенно интенсивно в предвоенный период. А. Эткинд предложил культурную интерпретацию истории империи в свете концепта «внутренней колонизации». Его анализ не даёт ответа на вопрос, какие политические формы принимала эта широкая культурная парадигма в разное время, особенно когда термин колонизация явно использовался для описания миграции в периферийные районы страны [10–18; см. также 19].

В ряде современных исследований анализируется деятельность Переселенческого управления, созданного в 1896 г. как одного из ведомств Министерства внутренних дел для управления переселением крестьян за Урал. В 1905 г. оно стало частью Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) – учреждения, ответственного за аграрную модернизацию. В царский период Переселенческое управление более других ведомств на практике воплощало идеалы преобразования окраинных территорий «сверху». Деятельность Переселенческого управления характеризуется как шаг на пути становления России как современной колониальной державы (Сандерленд), как отражение «особого пути» к дискурсивной и институциональной интеграции (Ремнев), как колыбель новой технократической идеологии массовой мобилизации (Питер Холквист) [20–21].

Данная работа предлагает некий синтез, который подчеркивает новизну и разнородность концепта колонизации в пореформенный период, акцентирует внимание на изменениях и множественности целей, а не на неизменности и единичности намерений. Основываясь на фундаментальных работах А.В. Ремнева, мы также стремимся показать хронологическую и тематическую разнообразность / многоликость понятия «имперский проект колонизации».

Дискуссии по поводу колонизации не ограничивались только стремлением создать империю, расширяющую свои границы, но разворачивались в рамках идеологии социализма, национализма и либерализма, а также споров вокруг создания современного государства, включавших разногласия по поводу перспектив развития регионов и крестьянского вопроса. В этом смысле дискуссия о колонизации не являлась исключительно «имперским делом» и далеко выходила за пределы министерских канцелярий. Появление общественного мнения позволило высказывать различные точки зрения, часто они выражались противниками царского режима. Как и в других вопросах истории России, граница между чиновниками и интеллигенцией была размытой. Радикальные реформаторы часто выступали самыми яркими сторонниками идеи перспективности восточных территорий, говоря при этом о целях, которые не всегда сочетались с официальной идеологией. Государственные представления о пространственной интеграции находились под влиянием народнических идеалов, либерального патриотизма и разного рода националистических идей, они охватывали и реализм, и технократический утопизм.

В данной работе мы проследим последовательность фаз изменения понятия колонизации (первым этот вопрос затронул Сандерленд [22]), также объясним, каким образом разные мотивы взаимодействовали на каждом этапе, взаимно подкрепляя друг друга, что позволило им преодолевать границы, разделяющие разные политические взгляды. Попытаемся показать, что предвоенное «страстное стремление к колонизации» [23] лучше всего рассматривать не просто в качестве атрибута неизменного существования России как империи, а как продукт определенного этапа истории страны: когда традиционная политическая культура расширяющегося династического государства вступила во взаимодействие с современными ценностями, которые бросали вызов её существованию и толкали к изменениям и реформам.

Колонизация без колоний

В первые десятилетия XIX в. термин «колония» использовался для обозначения успешных сельскохозяйственных поселений и экспериментов в области авторитарной социальной инженерии

рии. Последние были результатом влияния идей Иеремии Бентама, например, «штрафная колонизация», то есть депортация как средство перевоспитания заключенных и заселения территории. Иногда слово «колония» относилось к более отдалённым и экзотическим владениям империи, таким как Кавказ, Сибирь и Русская Америка. Еще в 1869 г. работа, посвященная нерусским поселениям в южных степях (куда были приглашены немецкие колонисты в надежде, что трудолюбие иностранных фермеров улучшит положение российского сельского хозяйства), называлась «Наши колонии». Этот пример сам по себе противоречит идее колонизации как цивилизаторской миссии, неважно российской или имперской, направленной на другие народы и территории. Слово «переселение», позднее ассоциировавшееся с идеей героического национального явления, также не имело цивилизаторского значения и отличалось от представлений о российском процессе колонизации [24; 12, р. 89; о дискуссии по терминологии см.: 22, р. 212–213; 18, р.133–135; 25].

К крестьянскому переселению изначально относились с недоверием, поскольку колонисты зачастую были беглыми крепостными или раскольниками [26]. Попытки управлять миграцией, предпринятые в 1840-х и 1850-х гг. Министерством государственных имуществ, которым руководил П.Д. Киселев, были обусловлены производственной логикой («чтобы излишние руки в одних местах обратить к возделыванию пространств, впусте лежащих» [27, с. 57–60; 1, т. 1, с. 448]). И хотя этот административный аппарат обеспечил значительный объём опытного знания о переселении людей и формировании удалённых земель, в основе его подхода лежало государственное решение распределения рабочей силы на принадлежавших государству землях, а не идея государственной и национальной миссии. Такого рода традиционная политика управления миграцией обсуждалась в свете грядущих аграрных реформ и была результатом патерналистской социальной опеки. Такая политика воспринималась как царская *социальная политика*, направленная на облегчение тяжёлой жизни сельского населения. Она снижала потребность в земельных наделах в родных деревнях и способствовала росту сельского хозяйства на «новых местах», вдали от центральной части страны. Связь между малоземельем и переселением можно увидеть в законе 1843 г. «О дополнительных правилах переселения малоземельных государственных поселян в многоземельные места» [28, т.18, №. 16718 (1843), с. 235; анализ проектов и ход дискуссии по крестьянскому землепользованию, см.: 29, с. 93–95; 30, с. 31].

Начиная с 1840-х гг. и на протяжении царствования Александра II специфика российской колониальной модели и форм колонизации, выступавшие как аспекты имперского самоопределения, все чаще обсуждались царской элитой. Размышления о месте России по отношению к западной цивилизации вызвали вопросы относительно исторической значимости восточных областей империи. Историко-философская дискуссия об отношениях России и Европы разворачивалась в тандеме с растущей национальной ориентацией монархической идеологии, которая была характерна для эпохи Николая I. Оба направления находились под влиянием целого ряда факторов, включавших рост интереса к экзотике; романтический образ Сибири, изображённый в воспоминаниях ссыльных декабристов; практическая необходимость разработки правительственных методов, подходящих для таких неоднородных районов; развитие географических знаний; экспедиции под руководством Военно-морского министерства. Историки, такие как С.М. Соловьёв, А.П. Щапов и особенно С.В. Ещевский, стали рассматривать заселение этих бескрайних земель как ключевой фактор национальной истории России. Таким образом, была подготовлена почва для известного изречения, позднее произнесенного В.О. Ключевским: «история России есть история страны, которая колонизируется» [31–35; см. 11, р. 473–511; 18, р. 62–66].

Хотя поражение в Крымской войне, казалось, подчеркнуло слабость позиции России по отношению к Европе, присоединение Приамурья в 1857-1860 гг. дало надежду на превосходство на Тихоокеанских берегах. Несколько лет спустя предприимчивые военачальники смогли присоеди-

нить к владениям русского царя обширные участки территорий Средней Азии и Туркестана. Хотя эти завоевания были во многом продолжением традиционной экспансионистской модели, политический контекст и географическое положение аннексированных или присоединённых земель (областей за Кавказской горной грядой, Средней Азии за Голодной степью и побережья Тихого океана) дали основания для сравнения этих новых царских владений с европейскими колониями.

В 1861 г., через несколько дней после отмены крепостного права, Императорское Русское географическое общество провело конференцию по вопросам «колонизации приграничных районов», в которой приняли участие высокопоставленные лица, молодые чиновники и специалисты. Великая колонизаторская миссия на востоке вдохновлялась теми же патриотическими и гражданскими устремлениями, что и кампания против крепостного права, «возмутительного» пережитка прошлого, из-за которого Россия не могла считать себя современным европейским государством. Несколькими годами раньше А.И. Герцен восхвалял сагу переселения – «Семейную хронику» С.Т. Аксакова как предвестницу судьбы России, которая «пойдет во все стороны... как зажиточный переселенец, который пашет девственные земли Висконсина или Иллинойса. Так и кажется, что читаешь Фенимора Купера» [36, с. 341; 10, с. 12; 37, р. 48–49; подготовка крестьянской реформы также способствовала появлению сильных националистических настроений по отношению к западным окраинам: см. 38, с. 139].

Конференцию посетил М.И. Венюков, молодой военный картограф, который впоследствии стал одним из первых теоретиков геополитического предназначения России в Азии. В конце 1860-х гг. он был корреспондентом герценовского журнала «Колокол», где с едким сарказмом отозвался о некомпетентности генералов в Туркестане, критикуя «безсистемность» государственной экспансии, и противопоставляя ей «сознательные завоевания» колониальной политики, способные дать «сознание наших сил, нашего могущества» [39, с. 6, 9; 40–43].

В этом случае, как и в других примерах, вопрос, связанный со специфической природой русской национальной истории, был исследован через призму западных концептов. Европейские трактаты на колониальную тему, например, «Kolonien, Koloniarpolitik und Auswanderung» Рошера (1856) и «De la colonisation chez le peuples modernes» Леруа-Больё (1874) обеспечили России научные понятия для концептуализации её недавних территориальных завоеваний, использование терминологии было во многих отношениях заманчивым и привлекательным. Рошер, который пользовался большим авторитетом среди российских специалистов по экономической истории, предложил классификацию колоний. Он считал, что для северной части Евразии было характерно постепенное заселение обширных незаселённых районов, и сравнивал Азиатскую часть России с «новыми землями» Австралии, Канады и США. В этом отношении он стал последователем географа Карла Риттера, который для России был одним из самых влиятельных источников знаний о восточных землях. Обширные районы периферии империи были отведены под «сельскохозяйственные» или «поселенческие» колонии, т.е. своеобразные общества, которые, по мнению Рошера, могли развиваться быстрее и свободнее, чем в их родной стране. По заявлению Д. Завалишина, эти колонии предполагали возможность «приложения новых идей» и «установления новых отношений между людьми» [44, с. 8; 45, р. 18, 54, 84, 116; работа Рошера была впервые представлена в России: 46; см. 47; 48, с. 89–90; 49]. Эта идея вызвала большой резонанс среди российских интеллектуалов от П.Я. Чаадаева до Н.Г. Чернышевского, которые привыкли воспринимать удалённость России от европейской цивилизации как преимущество, которое может ускорить прогресс.

Леруа-Больё, чьи работы были немедленно переведены на русский язык, ввёл идею качественного различия между колонизацией и миграцией. Он считал, что «эмигрируют дикари или варвары», гонимые нуждой или стремлением к наживе, в то время как цивилизованные нации могут сознательно формировать народы и территории, принося с собой культуру, ассимилируя коло-

низированные земли в цивилизацию более высокого порядка [50, с. III]. Современники были заинтригованы образом недавно реформированной и эмансипированной России, которая вышла из крепостного права и стала великой империей (или великим славянским народом, в зависимости от точки зрения), стремящейся колонизировать собственные приграничные земли. В конце концов, в середине XIX в. каждая европейская страна, которая могла назвать себя державой, имела, или стремилась приобрести, колонии.

Все же усвоение колониальной парадигмы столкнулось с глубоко укоренившимся сопротивлением. Целесообразность территориальной экспансии не подвергалась сомнению. Наоборот, более или менее добровольное интегрирование новых народов имело глубокое идеологическое значение. Оно ещё раз подчеркивало легитимность правителя, доказывало величие царя. С другой стороны, история европейского колониализма с конца XVIII в., воспринимавшаяся в России как зеркало её прошлых и настоящих экспансий, включала многочисленные в разной степени успешные сепаратистские движения, от растущей автономности британских владений до движений за независимость в Латинской Америке, не говоря уже о показательном случае антиколониальной революции в Северной Америке. Научная литература того времени свидетельствовала, что колонии «стремятся к отделению от метрополии и к образованию свободных и могущественных государств» [50, с. 459; 45, р. 84, 116].

Царское правительство осознавало ограниченность своих возможностей по управлению отдалёнными территориями (в то время было легче добраться из Санкт-Петербурга до Нью-Йорка, чем до Владивостока), а также боялось, что харизматичный наместник, при поддержке чересчур увлечённых молодых колонизаторов, может попытаться организовать сепаратистское движение (в 1850-х тень подозрения пала на Н.Н. Муравьёва, завоевателя Приамурья) [51, с. 21; 10, р. 168]. Польское восстание 1863 г. также воспринималось как предательство со стороны национальной окраины в разгар российских реформ. Оно совпало с усвоением колониального дискурса «Сибирскими патриотами». Эта небольшая, но активная группа, вдохновленная трудами Рошера, интерпретировала его идеи как предрекающие Сибири независимость или «самостоятельное существование» от петербургской «метрополии» [О восприятии европейской колониальной литературы в сибирском областничестве, см.: 52; 53].

Определение колонии как источника богатства и престижа, но также и как общества, потенциально способного развиваться независимо, тоже вызвало подозрение в царской политической традиции, основанной на принципе единства власти. Территориальное устройство самодержавного государства могло позволить сохранение сегментированных административных единиц от Королевства Польского до Бухарского эмирата, от регионов, которые контролировались казачьими атаманами, до земель Кабинета Его Императорского Величества на Алтае. Однако государство признавало их только в качестве функциональных вариантов власти государя, которые были результатом историко-географической стратификации династической империи. Неоднородность и многокомпонентность имперской «географии власти» сопровождалась почти одержимым стремлением к территориальной целостности и централизации. Авторитарный подход препятствовал пространственной иерархии, которая могла предвещать, пусть и неявно, будущее политическое дробление и ограничение государственного суверенитета.

Поэтому представлялось опасным, каким бы привлекательным это ни казалось, присваивать Кавказу или Приамурью политико-культурный статус «российской колонии». Новая форма пореформенного патриотизма М.Н. Каткова подчеркивала территориальную целостность государства и выражала опасения по поводу сепаратизма. Н.Я. Данилевский утверждал, что назвать земли колониями означало неявно признать существование ряда «не-Россий в составе России», искусственно соединённых с центром [54, с. 485; 55; О появлении более ярких национальных образов в

период Великих реформ, см.: 56]. Особо пристальное внимание такой опасности уделяли те, кто был близок к царской семье и к понятию о государственных землях как о неделимом династическом наследии. Например, на конференции по вопросам колонизации в 1861 г. великий князь Константин Николаевич старался охладить патриотический энтузиазм и демократический пыл некоторых младших чиновников (радикальные мнения в их среде были распространены. Молодые аристократы и известные анархисты, такие как М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин, сотрудничали с Муравьевым на Дальнем Востоке). По словам участников, Константин подчеркнул, что «в России совершается не колонизация, а собственно только расселение» как средство «расширения Российского государства» [57]. Министр внутренних дел Д.А. Толстой позже высказался более категорично: «У нас нет колоний» [цит. по: 51, с. 23].

Эти конфликтующие мотивы помогают объяснить устойчивость амбивалентности определений колонии и колонизации. В последующие десятилетия большое количество литературы по Азии и «вопросам колонизации» сосуществовало с тенденцией избегания способствующей самоопределению дихотомии метрополия – колония. Вместо этого использовалась более нейтральная терминология: «окраины», «наши владения в Азии», «приграничные земли» или просто «области». И всё же слова «переселение» и «колонизация» прочно укоренились в российском дискурсе. С одной стороны, они обозначали спонтанное «несознательное» заселение территории (*переселение*), а с другой – целенаправленную территориальную трансформацию (*колонизация*).

Крестьянская колонизация как имперская реформа

Термин «колонизация» приобрёл двусмысленное реформаторское значение и очевидную «аграрную» коннотацию, когда в колонизацию стали вовлекаться крупные организации и ресурсы во время строительства Транссибирской железной дороги в 1891–1903 гг. [58, р. 154]. Возобновление интереса к этой теме было отчасти связано с последствиями убийства царя 1 марта 1881 г., которое ознаменовало первый революционный кризис в истории российской монархии. Планы внутреннего переселения рассматривались в большой спешке, так как А. Куломзин, занимавшийся этим вопросом, отметил 26 марта, что «нынешнее царствование [Александра III] должно неизбежно начаться с широких экономических реформ» [59, ф. 178, М9803 (Воспоминания А.Н. Куломзина), д. 5, л. 26]. Цель превентивной реакции на вызов, брошенный революционным движением, очевидна. Но еще пятью годами ранее, в 1876 г., в известном научном труде по аграрному вопросу отмечалась связь между крестьянским вопросом и переселением в приграничные районы. По мнению А.И. Васильчикова, который представил свои выводы в обширной главе под названием «Колонизация», систематическая программа переселения на «свободные незаселённые земли» на окраинах Российской империи является необходимым завершением освобождения крепостных. Он видел в колонизации возможность предотвратить возникновение «аграрного пролетариата» и удовлетворить крестьянскую потребность в земле [60, т. 1, с. XXXII, т. 2, с. 859, 999]. Сибирский областник Н.М. Ядринцев, которого вряд ли можно назвать сторонником имперской ассимиляции региона, разработал один из первых и наиболее подробных планов «сознательной» и «организованной» крестьянской колонизации [61, с. 617; 62, с. 448–486].

Отношение между колонизацией приграничных территорий, реформой внутри России и политической стабильностью империи в самой авторитетной форме и со стратегическим охватом было описано в политическом завещании Н.Х. Бунге, председателя Комитета министров, скончавшегося в 1895 г. Он не считал внутреннюю миграцию панацеей, не был одержим идеей русификации; он говорил о сохранении местных языков наряду с использованием русского как объединяющего языка империи. Бунге сыграл непосредственную роль в составлении законодательства, касающегося вопросов переселения в 1890-х гг., а также участвовал в разработке конкретных мер. Тщательно продуманная политика перемещения крестьян за Урал казалась ему важнейшим

компонентом комплексной стратегии, направленной на предотвращение «социализма» и «обособления окраин», то есть националистического сепаратизма [63, с. 210, 226; о роли Бунге в разработке переселенческой политики, см.: 59, ф. 178, М9803, д. 7, л. 1–5; 64, с. 118].

Таким образом, одним из факторов, лежавших в основе идеи переселения, являлось восприятие этого процесса как необходимой превентивной реформы. Другим фактором был импульс модернизации, присущий последним двум десятилетиям XIX в. и сопровождавшийся общепринятым, официальным и неофициальным убеждением в необходимости срочно преодолеть отсталость имперского общества. Это было время, когда после голода и эпидемии 1891–1892 гг. марксист П.Б. Струве призывал интеллигенцию «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму» [65, с. 288]. Выражение «оскудение центра» обобщало эту широко обсуждавшуюся проблему и сведения, полученные от специальных комиссий. На фоне обедневших сельскохозяйственных районов в европейской части России истории о неиспользованных ресурсах азиатской части страны ещё больше выходили на передний план. Позитивистская культура интерпретировала демографический рост как значимый фактор социальной эволюции, таким образом укрепляла убеждение о том, что заселение земель означало движение вперёд по пути развития общества [Историк и социолог М.М. Ковалевский является одним из примеров, см.: 66, с. 180–195]. Идея колонизации как продуктивного улучшения территорий, сама по себе не являющаяся новым концептом в государственном дискурсе, приобрела ещё большую важность в связи с верой в то, что развитие окраинных земель даст мощный стимул общему росту империи и позволит России преодолеть свою отсталость.

Такие выражения, как «ближайшее объединение наших азиатских владений с европейской Россией», официальное обоснование строительства Транссибирской железной дороги, стали включать целый ряд целей и разнообразных коннотаций [67, с. 122]. Было нелегко отделить социально-экономические реформы от экспансионистских амбиций, консолидацию внутреннего управления от завоевания новых территорий, а стремление к международному влиянию – от решения разобраться с нерешёнными внутренними проблемами. «Колонизация» имела несколько целей: продвижение модернизма и социальная целостность, развитие коммуникаций, постепенное преодоление несимметричности территориального управления, стремление к стандартизации территорий с точки зрения культуры, языка и самосознания [68, с. 51–61]. Разнообразие и широта этих задач придавали моральную и идеологическую ценность традиционным военно-политическим принципам управления восточными областями империи, например, укрепление контроля над недавно завоёванными территориями путём объединения рекрутов и ресурсов в гарнизоны на территориях, которые трудно было защищать [С 1850-х гг. эти цели начали развиваться и все более охватывали вопросы, связанные с демографией окраин. См.: 69, р. 117–120]. Гордость цивилизаторов Азии шла рука об руку с желанием обновления России, и эти ожидания принимали разнообразные политические формы. В конце XIX в. переселение горячо поддерживалось не только официальной властью, но и широкой общественностью. В 1891 г. знаковая поездка из Владивостока в Москву, предпринятая цесаревичем, будущим Николаем II, означала символическое возобновление владения восточными территориями царской семьёй [70, с. 1; 71]. Тем не менее династический сценарий сосуществовал с многочисленными планами колонизации, которые могли преследовать социалистические, либеральные, общемодернизаторские и патриотические цели.

Упор на крестьянство как ключевого участника процесса колонизации репрезентировал новое культурное представление, которое ещё больше повысило привлекательность переселения как национального дела. Сторонники свободного перемещения населения за Урал утверждали, что традиционная мобильность русских крестьян должна быть признана как давно забытая, но важная часть имперской миссии, а склонность крестьян «бродить» облегчит процесс колонизации. Необ-

ходимо было принять тот факт, что «бедные и серые эти люди, невежественные и средствами скудные, они несут на дальнюю окраину дух, сковавший под Самодержавным Скипетром Царственных Вождей наших мощное русское государство, дух, неудержимо и неуклонно раздвигающий пределы нашего отечества к вящей славе Державы Российской» [72, т. 7, с. 24; 16, с. 164]. Ассимиляция удалённых территорий всё чаще представлялась как физическое и символическое «окрестьянивание», подразумевающее постройку новых православных церквей и новых деревень с русскими названиями, замену кочевого разведения скота трёхпольным севооборотом. Во многом словарь колонизации был связан с народническим образом крестьянина как носителя русского национального самосознания.

В свете сказанного правительственные проекты шли параллельно с социалистическим идеалом крестьянской колонизации пространства. С.Н. Южаков поддерживал «организацию переселенческого дела на широких основаниях» и определял колонизацию как «самое могучее средство к расширению народного [общинного] землевладения». Он был автором теории о проникновении в Среднюю Азию как проявлении «небуржуазного, некапиталистического характера страны», который основывался на «крестьянском начале» и, таким образом, идеологически противопоставлялся британскому империализму. В качестве примера Южаков взял «американскую систему» выделения новым поселенцам участка земли, но настаивал на предоставлении новым деревням коллективного права владения государственной землёй. Он поддерживал крестьянскую колонизацию как способ укрепления общинного принципа за Уралом во времена, когда преимущества этого принципа вызывали сомнения в центре [73, с. 4; 74, 25–27, 30–32].

Многие чиновники и эксперты вышли из народнической и либеральной среды, близкой к прогрессивной интеллигенции, которая сплотилась в поддержке крестьян после голода 1891–1892 гг. Назначенные на службу в область Уссури или Степного края считали это способом помощи прибывающим туда голодным переселенцам. Одним из примеров являлся Н.А. Сборовский – бывший член социал-демократического кружка, старший производитель работ Томского переселенческого управления [См.: 75, ф. 2668 (Н.А. Сборовский), оп. 1, д. 1, л. 14–151]. А.А. Корнилов, который позднее стал известен как историк и лидер Конституционно-демократической партии, проигнорировал совет своих либеральных друзей и поступил на государственную службу в Иркутск, потому что хотел оказать помощь крестьянскому переселению в соответствии с доктриной патриотического конституционализма [76, с. 95–97]. Земский специалист по статистике Ф.А. Щербина, возглавивший экспедицию по изучению кочевого землепользования в Степном крае, использовал аналитические категории, разработанные им во время изучения крестьянского хозяйства в европейской части России (известный термин «производственно-потребительские бюджеты»), при обсуждении методов определения излишков земель для передачи переселенцам [76; 78]. Ремнев и Суворова отмечали, что это был «компромисс между государственной службой и народническими идеалами» [16, с. 157]. Работа в качестве землеустроителя в Переселенческом управлении предполагала «нарезку» участков тайги или степи, на которых могли поселиться новые партии крестьян, прибывавшие из европейской части России. Это была конкретная возможность служить народу, давая «землю тем, кто на ней работает». Крестьянская колонизация могла восприниматься как социальная и патриотическая миссия.

Тем не менее желание «раздвигать пределы нашего отечества» ослабляло эффективность реформаторского импульса, который в определённой степени был движущей силой колонизации. Аннексия новых отдалённых районов неизбежно всё больше усложняла процесс интеграции. Схема территориальной экспансии приняла особенно дестабилизирующий характер, когда (как в случае с Дальним Востоком в годы, предшествующие Революции 1905 г.) силовая политика пересеклась с риторикой «великой азиатской мечты». Представления, подобные «азиатству»

Э.Э. Ухтомского, должны были стирать не только ментальные, но и политические границы между Россией и Востоком. Хотя эти неофициальные тенденции по своей идеологической мотивации были антиколониальными, они приобрели агрессивный геополитический статус, примером чего может служить заявление, что «мы [...] не можем найти за Каспием, Алтаем и Байкалом ясно очерченного рубежа, естественной точной демаркационной линии, за которой бы кончалось собственно "наше"» [79, т. 2. с. 132; 80, р. 127; 81, р. 42–60; 82]. Аргументы в пользу колонизации как инструмента экспансии всплыли в 1916 г. накануне революции. В официальном отчёте об экспедиции в Северную Персию говорилось, что в связи со слабостью Персии и надвигающимся развалом Османской империи спонтанная миграция крестьян могла бы послужить стратегической цели дальнейших завоеваний южных территорий; подходящая демографическая политика превратила бы Чёрное и Каспийское море во «внутренние области России». Для оправдания миграции использовались все возможные идеологические аргументы, в том числе экономическая модернизация, геополитическое предназначение, византийское историческое наследие, цивилизаторская роль русского народа в Азии (культурное превосходство), а также близость России к Востоку (культурная близость), не говоря уже о более прозаических преимуществах: «Новая Апельсиния» на юге сможет заменить дорогостоящий импорт цитрусовых из Италии [83, с. 42–45; 84, с. 19–23; о российских планах в Северной Персии, см.: 85, р. 167–169].

Последствия такой двусмысленности могли быть разрушительными. К началу XX в. Маньчжурия была фактически оккупирована, и некоторые русские авторы уже начали называть её «нашей первой колонией на Дальнем Востоке» [86, с. 653–696]. Отсутствие чётких определений того, что может быть квалифицировано как «внутреннее», а что как «внешнее», обострило международное напряжение и привело к войне с Японией, а также к последующему военному поражению, ставшему одной из причин Революции 1905 г. В свете сказанного колонизация российских окраинных территорий могла иметь катастрофические последствия для центра. Можно утверждать, что результаты были прямо противоположны тем, о которых заявляли чиновники, воспринимавшие развитие азиатской части России как вклад в реформы и стабильность империи. «Отсутствие чёткой границы между внешней и внутренней политикой» [87] также осложняло процесс колонизации как аспект строительства государственного пространства.

Новая и лучшая Россия

Парадокс позднеимперского периода, особенно после 1906 г., состоял в том, то миграцию стало сложнее контролировать (пик был достигнут в 1908 г., когда количество людей, прошедших через пункт приёма переселенцев в Челябинске, превысило 700 000 человек [1, т. 1, с. 492], как раз в то время, когда на неё возлагались самые амбициозные задачи. На практике проект начал сталкиваться с серьёзными трудностями, вызывая критику и протесты, как раз тогда, когда понятие колонизации приобрело значение, которое повысило его идеологическую ценность и инновационный потенциал. Дискуссия больше не разворачивалась в рамках специально сформированных внутриминистерских советов и коллегий, она перешла в политико-институциональный контекст думской монархии, где бюджет нужно было обсуждать публично и отвечать на критику национальных меньшинств и прессы. Политика колонизации стала полем битвы для идей, которые требовали общественных кампаний, в первую очередь в Петербурге, чтобы утвердить жизнеспособность внутренней миграции как патриотического и модернизаторского проекта [см., например: 88; 89].

Усиление управленческого подхода стало в определённой степени результатом опыта в этой сфере. Организованные передвижения, предпринятые начиная с 1890-х гг., выявили трудности и ограничения. Стало очевидно, что открытие новых средств коммуникации и закрепление за переселенцами больших участков земли было недостаточным. Новым поселениям нужны были

инфраструктура, постоянные инвестиции, а самое главное, усиление руководства [90, с. 84–92]. Историк Ф. Кокен отмечал «определенный кризис в традиционном миграционном движении» в начале XX в. [см.: 5, р. 710]. Переселенческие учреждения получили дополнительные обязанности: помимо простой организации переезда мигрантов на Восток они должны были обеспечить «прочное хозяйственное устройство переселенцев и всестороннее обеспечение их быта» [1, т. 1, с. 464].

В 1910 г. правительство объявило о решении отложить предоставление права выборов в земство даже самым «подготовленным» (с государственной точки зрения) восточным губерниям – Тобольской и Томской. Одновременно в обязанности Переселенческого управления стало входить систематическое территориальное и экономическое планирование, оно получило дополнительные полномочия и ресурсы (хотя реализация этих решений сталкивалась с трудностями). Идеологи стали изображать Переселенческое управление в качестве «земской управы всей Азиатской России», органа, интерпретирующего «местные нужды», и централизованного агента просвещения, социального прогресса и модернизации [91, с. 100; 89, с. 28; 92, т. 3, с.389–398; 21, с. 170]. Такое описание было направлено на укрепление авторитета аппарата колонизации как единого всевластного органа в составе сложной иерархии спорных административных органов последних лет существования империи (министерства, лесной департамент, казачье войсковое управление, Императорский кабинет, губернаторы и т.д.).

В то же время правительственные чиновники и эксперты подчёркивали несостоятельность крестьянских переселенцев. Традиционный образ «неотёсанного» патриота и стихийного колонизатора был амбивалентен с самого начала, поскольку мигранты принадлежали к категории подданных – бывших крепостных, не способных к самоуправлению за пределами ограниченного мира деревни. Именно в 1890-х гг. в специальной литературе крестьян описывают как неопытных, инертных и бестолковых; эта тенденция продолжилась и усилилась в последующие годы. Крестьянские переселенцы чаще воспринимались в качестве цели, а не главных действующих лиц цивилизаторской миссии. Эксперты и чиновники разделяли понятия «простое заселение» и «настоящая колонизация», противопоставляя необходимость в «деятельных колонизаторах» имеющейся массе нуждающихся «переселенцев» [93, с. 1–7]. Главная интерпретирующая публикация этого периода «Переселение и колонизация» принадлежит А.А. Кауфману, в ней выдвигается идея о том, что низкий культурный уровень крестьян ограничивает фактическую демографическую ёмкость казалось бы безграничных территорий и поэтому снижает потенциал успешного заселения окраин. Отсталость крестьян – колонистов представлена как субъективное нематериальное препятствие, преодолеть которое можно только посредством образовательных мер [94; литература изобиловала пессимистическими взглядами (достоверными либо преувеличенными) по вопросу о переселенцах. См. доказательства, представленные: 17, с. 160–179; 95, р. 467–469].

Осознание этой проблемы не помешало возникновению подходов, которые позволили бы увидеть в этих препятствиях положительные возможности. Основной мотив крестьянской колонизации как процесса одновременной цивилизации местного населения и просвещения русских переселенцев подпитывал надежду, что приграничные земли станут местом радикальных обновлений. Переселение на «новые места» было представлено как возможность построить лучшую Россию – по крайней мере, в теории, свободную от удушающего бремени традиции. Дискуссии о колонизации оказывались под влиянием разнообразных и часто конкурирующих проектов – и реформаторских, и революционных, которые после 1905 г. стали носить более радикальный характер.

Сдвиги в представлениях не ограничивались официальными кругами, их разделяли сторонники самых разных политических убеждений. По мнению В.И. Ленина, например, территориальная иерархия центр – периферия базировалась на устойчивости «феодалных пережитков». Насле-

дие крепостного прошлого по-прежнему доминировало в поместьях дворянства внутренних областей – вышеупомянутого «оскудевшего центра», но становилось всё менее распространенным в южных и особенно восточных областях, где всё ещё была возможна культивация земель «куда топор, коса и соха ходили». С этой точки зрения, окраинные земли представляли собой пример сельского хозяйства без поземельной ренты. Исходя из теорий аграрной экономики К. Каутского и А.Л. Парвуса, Ленин называл эту модель «американской» и определил ее характерные черты, а именно: полное отсутствие ограничений для капиталистического развития, максимальная степень свободы и производственного рационализма, которые возможны в данных исторических условиях. Идея высокого уровня капиталистической «насыщенности» позволила представить окраинные территории в качестве авангарда всероссийского развития.

Хотя Ленин был противником царского колониализма, это не означало, что он отрицал перспективу модернизации восточных окраин. Напротив, он описывал их в оптимистичных и красочных тонах. Его критика была направлена на узкоклассовую, проаристократическую и русификационную природу государственной политики, которая ограничивала колонизаторский потенциал России. Он считал, что политический перелом был необходим для высвобождения интеллектуальной и производительной энергии масс. Революция превратила бы «полуазиатского» российского крестьянина в агента исторического развития, а следовательно, в будущем и в энергичного колонизатора, способного заселять обширные земли Сибири.

Отвечая на предостережение Кауфмана, в главе под названием «Вопрос колонизации» Ленин заявлял, что настоящими препятствиями для крестьянского переселения являются препятствия социальные и политические, а не культурные. «Антифеодальная» революция превратила бы российские окраины в пространство безграничного будущего роста; её внутренняя колонизация стала бы аналогом направленной на запад экспансии США. Ленин писал: «Россия обладает гигантским колонизационным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета. Это обстоятельство представляет из себя экономическую основу буржуазной эволюции российского земледелия по американскому образцу» [96, с. 230].

На противоположной политической стороне премьер-министр Столыпин также делал ставку на предназначение Азиатской России. Он называл Сибирь и Центральную Азию «колыбелью, где можно в условиях, свободных ещё от общественной борьбы и передраг, вырастить новую сильную Россию и с ее помощью поддержать хиреющий русский корень» [97, с. 113]. Его целью было сделать крестьянина столпом будущей «Великой России». Он стремился превратить бедного, предположительно ленивого бунтовщика (память об аграрных бунтах 1905–1907 гг. была ещё свежа) в трудолюбивого, патриотически настроенного землевладельца, который по доброй воле будет уважать власть. Центральная роль, которая отводилась политике переселения в программе столыпинских реформ, также зиждилась на вере в то, что новое высокомобильное окраинное общество, где стабильные социальные нормы ещё не укоренились, даст возможность внедрять изменения, которые в центре проходят через бесконечный процесс обдумывания, через политические баталии и ожесточённые споры.

Несмотря на реформаторский лейтмотив публичных заявлений, премьер-министр в частных беседах вновь возвращался к опасениям о потере контроля над окраинами, которые были ранее характерны для дебатов вокруг концепта колонии. Вернувшись из официальной поездки в азиатскую часть России в 1910 г., он написал Николаю II, что «Сибирь растёт сказочно». Однако он также предупреждал о том, что успех влечёт риск, а именно подъём «громадной, грубо-демократической страны, которая скоро задавит Россию европейскую». Он имел в виду быстрый

рост крестьянских общин, во многом независимых от центра. Не заслуживающие доверия местные элиты, в условиях успешной крестьянской колонизация обширных территорий, фактически не контролировались государством. И не случайно он настаивал на «необходимости совмещения политики переселения с серьёзным усилением административной власти на окраинных территориях» [98, с. 82–83; 99, с. 29–30, 123].

Кампания по выделению переселенцам индивидуальных участков земли в Сибири была основана на аналогичном сочетании беспокойства и надежды на быстрые изменения. Считалось жизненно важным определить основы рационального сельского хозяйства с самого начала («задача эта в Сибири много легче и благодарнее») [100, с. 11], пока великороссийские архаичные общинные институты не укоренились и в районах переселения. Обширное картографическое производство переселенческих организаций стало печатать образцы планов деревень в степях, чтобы донести до российско-европейского колониста преимущества частной собственности и интенсивного сельского хозяйства. Во многих отношениях Сибирь стала восприниматься как идеальное место для социальных экспериментов.

Концепт колонизации как стратегии государственного правления и интеграции окраинных территорий претерпел семантические изменения (особенно в некоторых более специализированных секторах администрации) в сторону ранней идеи сельскохозяйственной колонии, способной развиваться быстрее, чем метрополия. Районы поселений теперь представлялись не только отдалёнными местами, в которые нужно принести культуру и социальные институты из центра – для одних, в соответствии с авторитарным русифицирующим импульсом, для других, в соответствии с желанием более здравого управления местными интересами – но как театр становления общества. Привлекательность «процесса переселения» сочетала в себе энтузиазм по поводу ускорения прогресса с почти утопическими надеждами на полное преобразование «русского человека». Полные восторгов отчёты В.П. Воцинина, одного из апологетов переселенческой политики при Столыпине и Кривошеине, повторяют ленинскую параллель с Америкой. Он восхищённо в футуристических красках описывает «кинематографическую быстроту, [с которой] растут города, кипит неустанная творческая работа». Он противопоставляет «медленные шаги» «старой России» местам, «где пять лет назад парили орлы да бродили шакалы, [а] ныне с шумом и треском проносятся автомобили», имея в виду грузовики для перевозки переселенцев. «Создатели же новой жизни, чисто американского уклада – переселенцы, те самые наши серые мужики, которых мы привыкли видеть в оборванных зипунишках «ломающими шапку» перед всякой кокардой. Сибирь перерождает человека. Исторически забитый и пугливый русский крестьянин высоко поднимает голову, едва лишь выйдя на простор степей или леса, и, не стесненный в возможности, строит он свою жизнь на новых местах, забывая рутину «России» [101, с. 5].

Колония как плантация

Демократический настрой, враждебность по отношению к помещикам, сочувствие положению переселенцев были широко распространены в Переселенческом управлении среди чиновников среднего уровня, которые иногда современниками воспринимались как «левые» или даже как народники [102, с. 35, 42]. Такое отношение не противоречило росту интерпретации крестьянской миграции как политики «государственной в самом широком смысле этого слова» [100, с. 1]. В специальной литературе слово «колония» больше не маскировалось, не смягчалось и не окрашивалось неуверенностью. Оно использовалось с гордостью и последовательно утверждалось как основа многообещающего пути социального и производственного роста. Это слово стало обозначать крупномасштабное расширение Азиатской России.

Миграция последовательно представлялась как вклад в распространение русской культуры, но националистические мотивы в целом были менее заметны в трудах специалистов по переселе-

нию. Местные чиновники выражали беспокойство по поводу призывов русифицировать, которые они считали проявлением искусственного навязывания со стороны центра [См.: 102, с. 112 и его комментарий о «чудовищном» требовании арендовать землю только для «русских рабочих белой расы» на Дальнем Востоке]. Определение колонии связывалось скорее с конкретными экономико-производственными и правовыми условиями, чем с географической удалённостью и этническими различиями. Цели сделать оседлыми казахских кочевников и «интенсифицировать» сельскохозяйственную деятельность славянских переселенцев определялись тем же духом модернизации. Цивилизаторская миссия контролировалась и управлялась государством и реализовывалась на практике группой энтузиастов-интеллектуалов и управленцев, сотрудничавших или работавших в министерствах после 1905 г. Молодые чиновники-колонизаторы из Переселенческого управления приняли официальную линию политики Столыпина (хотя они не всегда полностью с ней соглашались), в которой импульсы для реформ сдерживались осторожными государственными соображениями.

Что отличало имперскую колонию с социальной и географической точки зрения от других областей государства? Как меры, привычно описываемые словом «колонизация», отличались от стимулирования экономического роста в целом? Г.Ф. Чиркин, который должен был стать последним управляющим Переселенческого управления, писал об огромных запасах «свободных земель», то есть «земель, не находившихся в собственности частных лиц» [100, с. 1]. В более официальном источнике – в «Азиатской России» (1914), который редактировался лично начальником Переселенческого управления Г.В. Глинкой, землю к востоку от Урала называют «нашей единственной колонией». Эти территории отличались от остальной империи, так как «от границы между Европой и Азией и до берегов Тихого океана, за исключением земель коренного населения в Туркестане, почти нет частной [земельной] собственности [...] Как бы в соответствии царскому титулу, по которому обладателем всех земель является государь, в Азиатской России почти все земли принадлежат исключительно государству». В результате устойчивости государственного права на землю Сибирь и Степной край являлись гигантским «единым государственным имением с небольшим количеством вечных пользователей в наиболее культурных её частях» [1, т. 1, с. 532; 89, с. 24; 99, с. 28].

Работа Г.К. Гинса «Переселение и колонизация» (1913) являлась последним всеобъемлющим анализом этой темы до падения Империи. Находясь под влиянием либерально настроенного юриста Л.И. Петражицкого, Гинс делал упор на правовом аспекте, демонстрируя прекрасные знания западной литературы о колонизации. Его определение колонии не ограничивалось географическим и демографическим фактами малонаселённой территории с большими запасами неэксплуатируемых природных ресурсов. Колонизацию «в смысле всестороннего развития производительных сил страны» отличало «отсутствие активного хозяина» и условий, при которых «колонизирующее государство является хозяином в смысле частноправном, где оно собственник земли и её богатств». Гинс утверждал, что когда природные ресурсы «закреплены за определенными частными обладателями», колонизация невозможна, так как государственная политика «преломляется через психику правообладателя» и поэтому «не всегда действует с желательной быстротой». Правовые препятствия включали уже существующую личную собственность, но также корпоративные права, такие как землевладельческие привилегии казаков и династическое наследство, например, владения кабинета на Алтае. Всё это представляло собой наследие архаического концепта государственной собственности (личной собственности монарха, «эксклюзивной» собственности казны или департамента лесного хозяйства). Все они являлись индивидуальными или юридическими «частными субъектами», которые могли служить помехой «истинной», то есть современной систематической и производительной колонизации территории [103, с. 39–40].

Этот анализ опровергает образ окраины как относительно свободной приграничной территории (заселённой с течением времени казаками и политическими ссыльными, раскольниками и беглыми крестьянами), какой её изображали на протяжении XIX в. декабристы, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин [104, с. 318; 33, 753–759; 105; 106, с. 11, 31, 48]. Но ещё важнее то, что такая форма колонизации считалась лучшей, чем исторический колониальный опыт Запада. Западный колониализм Гинс называл «фактической колонизацией», непреднамеренным результатом «культурного воздействия европейских наций на некоторые Азиатские государства». Он считал, что им не хватало общего плана, в то время как современная колонизация требует беспрепятственной воли и сознательного проектирования. Её основной предпосылкой являлось отсутствие юридически связывающего узконаправленного контроля над использованием природной среды. Вековая история имперского строя сохранила широкие, хотя архаичные и несовершенные «государственные права» на землю, воду и минеральные ресурсы Сибири. Поэтому её обширная экспансия предлагала «благодатную почву» для «посевов колонизации». Несмотря на глубокие идеологические различия, утверждения Гинса в чём-то схожи с идеями Ленина, касающимися национализации земли как механизма ликвидации всех «феодалных пережитков» и как предпосылки для развития России по «американскому пути». Главное различие состояло в том, что Ленин рассматривал революционный переворот с последующим высвобождением производительного потенциала масс, в то время как Гинс подчёркивал роль центральной власти как разумного гуманного правителя и законодателя для огромного имущества, унаследованного от царистского прошлого [103, с. 39–40; Гинс присоединился к антибольшевистским силам и продолжил свою деятельность в качестве исследователя советского права в Беркли: 107; см. комментарии Ленина о национализации земли как «чистке земель», см.: 96, с. 253].

В представлениях Гинса принцип государственной собственности не означал оправдания массовой экспроприации или жестокого перемещения населения. Он был призван привести не к произволу, а к введению сверху нескольких уровней новых прав и понимался как набор инструментов, которые обеспечили бы социальные изменения и производственное развитие. Его видение колонизации включало, вполне сознательно, традицию патерналистского реформизма, коренившегося в опыте Министерства государственных имуществ, предшественнике Министерства земледелия в его разных наименованиях, в которых поколения экспертов и чиновников занимались прямым управлением государственной деревней и государственными крестьянами без посредничества помещиков [27, с. 38, 53–60]. Государственные колонии представляли собой правовой вакуум, который мог быть заполнен набором различных форм владения, тщательно отобранных и «культивированных», как если бы они были разными ботаническими видами, которые соответствуют разным производственным типам и социальным функциям.

Кочевники могли пользоваться временным правом на землю, пока не становились оседлыми. Крестьяне и оседлые инородцы получали права на имущество с запретом продавать его «хотя бы на время жизни одного поколения» – мера предотвращения спекуляции. Крупные землевладения предпринимателей, таких как скотоводы или производители хлопка, получали право долгосрочной аренды государственной земли, чтобы избежать использования этих земель в качестве непроизводительных латифундий, а частные горнодобывающие компании получали временные концессии на пользование недрами [103, с. 49, 76, 83–92]. Есть один важный момент, который отличает таксономию правовых и производительных категорий Гинса от нереализованного проекта Столыпина и Кривошеина, который был изложен в Сибирском положении 1910 г. Проект Гинса не предусматривал введение крупной «частной земельной собственности» для «цивилизованных» элементов будущей землевладельческой элиты. Это был ещё один знак недоверия, которое было распространено среди переселенческой администрации того времени, по отношению к дворянству

[108; о различии между крупной частной собственностью и индивидуальной собственностью крестьян, см.: 109, с. 29].

Реальность, и формальная, и фактическая, бросала вызов нарративу власти, которая намеревалась формировать социальный ландшафт окраинных территорий в соответствии с планом, регулируемым правовым сознанием, как у Гинса, или упором на производительное развитие, как у Чиркина и Успенского. Переселение и управление территориями требовало компромиссов, умения приспособляться, а часто принятия существовавших условий. Так было в Туркестане, где законы империи часто противоречили исламским понятиям о собственности, а также в Забайкалье, где попытки ограничить использование земли бурятами приводили к бесконечным правовым процедурам, серьёзно замедлявшим процессы переселения [110; 111; о бурятских землях, см.: 59, ф. 742 (П.А. Столыпин), д. 2, л. 2–3 (Письмо Кривошеина Столыпину, 29 октября 1910);]. Неопатримониальная пространственная риторика (Азиатская Россия как государственное имение), подкреплявшая идеологию управляемого колониационного развития, столкнулась с правовой структурой империи, с её многочисленными возможностями подачи апелляций. Местные суды испытывали трудности в связи с попытками примирить государственное управление природными ресурсами с существующими правами и обычаями. Самое упорное сопротивление Переселенческое управление встретило со стороны других органов бюрократического аппарата, преследовавших альтернативные цели. Например, максимизация ренты с государственных лесов противоречила выделению земель для новых поселений. Чиновники должны были тщательно оценивать местные потребности или производительный потенциал, чтобы подсчитать оптимальное количество земли для передачи переселенцам, но выполнение этой задачи часто оказывалось невозможным из-за отсутствия обученного персонала. Тогда чиновники получали право устанавливать границы, исходя из размера имевшихся участков. На деле задача введения рационального сельского хозяйства сверху и установления чётких правил сводилась к легализации сложившихся практик [О различии юридического и обычно-правового определения землепользования, см.: 75, ф. 46. Тюкалинская поземельно-устроительная партия, оп. 1, д. 1, л. 60–61 (Тобольск, Переселенческое управление, Циркуляр, 27 сентября 1910; о связи между колонизацией и земельными правами, см.: 112]. Усиление технократических устремлений, заложенных в идеологии колонизации 1910–1914 гг. [85, с. 152], должно рассматриваться скорее как направляющий принцип, как один из элементов в сложной взаимосвязи факторов, формировавших эволюцию местного общества в районах переселения, а не как препятственную практику.

Тем не менее поиски свободных, с правовой точки зрения, и поддающихся социальным изменениям территорий представлял собой основополагающий компонент мировоззрения группы теоретиков и практиков, которая писала для журнала «Вопросы колонизации». Присоединение к «колониационному фонду» новых земель было типичным стремлением того времени, эту задачу можно было реализовать с помощью самоотверженного исследования суровой тайги, а также сокращения кочевых пастбищ в степях [См. экспедицию и 10-летний план для Нарымского края: 113]. Эти усилия требовали распространения власти Переселенческого управления на обширные территории, которые прежде находились в ведении якобы «спящих» властей, таких как Департамент лесных угодий; такая практика иногда приводила к большему количеству внутрибюрократических конфликтов, чем земельные споры с местным населением [Некоторые примеры имеются в: 75, ф. 46, оп. 1, д. 1, л. 34–35, 44–46, 50–51]. Лихорадочный поиск пригодной для возделывания земли («заготовки») был следствием острой необходимости каким-то образом расселить многочисленных переселенцев, которые беспорядочно прибывали во время массового переселения 1907–1909 гг. В то же время поиск постоянно расширяющейся территории, готовой для водворений, также отражал амбициозное стремление создать пространство, свободное от вмеша-

тельства и конкурирующих прерогатив внутри сегментированной, многослойной географии имперской власти. Понятие переселенческих районов стало ассоциироваться с неопределенным, спорным идеалом «девственных земель», пространств для беспрепятственного создания новых социальных форм, которые бы напрямую подчинялись экспертному управлению [О поиске нового определения «публичной собственности», см.: 114, р. 579–609].

Это объясняет амбивалентность, присущую последнему поколению имперских экспертов о переселении. В определённой степени молодые увлечённые чиновники-колонизаторы разделяли «антифеодальный» настрой в ленинском смысле этого слова. Их настроения были «демократическими» в той степени, в которой это означало неприятие привилегированного и паразитического присвоения общественных ресурсов. Неявно присутствовали и социалистические настроения, поскольку, с точки зрения переселенческих чиновников, земля должна распределяться среди переселенцев в соответствии с их предполагаемыми потребностями. Колонизаторы считали себя агентами модернизации и были твёрдо намерены применить на окраинных землях методики, которые они почерпнули из компетентных исследований западного опыта (будь то датские молочные фермы или оросительное земледелие в Айдахо) [Один из примеров, см.: 115].

Однако эти центральные установки конкурировали с многочисленными местными инициативами, предпринятыми русскими и нерусскими группами в духе идей общественной модернизации, и препятствовали им [116]. Такие установки регулярно описывались в местной прессе как бюрократические планы, которые мешают автономным усилиям организаторов кооперативов, активистов и предпринимателей, идущим снизу [117, с. 183–185; См.: 52, р. 1008–1092 для интерпретации сибирского патриотизма как идеологии колонизации и региональной модернизации во главе с местной интеллигенцией в конкуренции с имперской властью]. Поскольку процесс колонизации воспринимался как радикальная ускоренная трансформация, в него был заложен как авторитарный, так и дестабилизирующий потенциал [118, р. 128–147]. Если в 1890-е гг. Бунге предупреждал об опасностях переселения как механического процесса «пересадки» центральных институтов на периферию [63, с. 21], то после 1910 г. эта «садовая» метафора использовалась уже более категорично. Ссылки на раннюю научную утопию Фрэнсиса Бэкона и его представления о колонизации как культивации общества играли заметную роль, вдохновляя программные концепции Гинса («Вращивание страны похоже на выращивание леса... Для правительства, пусть оно будет в одних руках, при содействии какого-либо совета») [119, с. 329, 331]. Гинс дважды повторил это заявление: «колонизовать страну – все равно что сажать лес» [120, вып. 1, с. 34; 103, с. 40]. Еще до войны проект колонизации как строительства нового общества-региона сверху готовился к взаимодействию с построением социалистического общества.

Не удивительно, что идеи и люди, участвовавшие в позднеимперской колонизации, перешли и в советскую эпоху. Их переход, задокументированный Питером Холквистом, не был автоматическим или заранее определённым; во многом его можно сравнить с переходом других категорий дореволюционных экспертов, например, с переходом экономистов и специалистов по статистике, изученным Алессандро Станциани [85, р. 171–179; 121]. К 1919 г., в разгар Гражданской войны, Вошинин пытался возродить идею журнала, который должен был стать советским продолжением «Вопросов колонизации». Сибирь и Средняя Азия контролировались антибольшевистскими силами, и всё внимание было обращено на северные районы Мурманской и Архангельской областей. Вошинин применял те же аргументы, что раньше использовались в восточных степях, а это означает, что понятие Востока играет второстепенную роль в глубинном понимании этих явлений. Тот же автор, который несколько лет назад восхвалял вновь обретенное достоинство крестьянства на окраинных землях, теперь характеризовал довоенную политику как «кустарническую» и бессистемную. Крестьянскую миграцию во времена Столыпина он называл

«пересадкой человеческой накипи» за Урал – крайний пример тенденции воспринимать колонистов как пассивный объект, а не как активных действующих лиц «организованной» колонизации. Он вспоминал дореволюционное Переселенческое управление как ценного предшественника по-прежнему целостного и эффективного «аппарата колонизации», оперативной машины, которую нужно запустить, обеспечив её, наконец, «диктаторскими полномочиями», которых она, по сути, никогда не имела при царском режиме. Он считал, что теоретические и практические установки последних лет существования империи необходимо было преобразовать; следовательно, в общем виде цели колонизации можно обозначить как «развитие производительных сил» и реализацию «государственной экономики в крупных масштабах» [122, с. 9–13; изменение во взглядах Воицина было поразительным, так как именно он написал хвалебную статью о Кривошеине в 1916 г.; см.: 85, с. 176].

Заключение

Хотя колонизация внесла свой вклад в «сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию» [15, с. 223], её мотивы не были ни моноцентристскими, ни статичными. Это не был единый постепенно реализуемый проект национально-государственной интеграции, скорее, концепт колонизации возник из дискуссий, достигавших различных точек равновесия на разных этапах. Не было согласия по поводу того, какое общество должно было «расшириться» на новые территории, цель преследовалась с разной степенью интенсивности, использовались разные инструменты в разное время. Крестьянская миграция существовала веками, и государство и раньше применяло демографическую политику. Распределение мультиэтнической рабочей силы на его территории предшествовало введению в обиход европейских колониальных понятий и основанию Переселенческого управления. Идея строительства лучшего общества на периферийных нетронутых территориях была не нова [123; 12, р. 70, 87–88]. Современные идеологии колонизации не противоречили этим моделям пространственной трансформации, но переросли их, добавив большую, хотя и амбивалентную интенсивность, которая стала результатом сложного контекста пореформенного периода. Со временем управляемая миграция на окраины стала считаться мощным инструментом изменения общества и самой России. Она появилась на основе ряда подходов к управлению расширяющейся династической империи и стала политическим мифом, стратегией ускорения модернизации, окрашенной патриотическими и даже социалистическими настроениями. Она отразила сознание эры революций не менее, чем сознание эпохи империй.

В России неохотно использовали термин «колония» или рассматривали колонию как переходный этап [21, с. 162], потому что в середине XIX в. это слово ассоциировалось с политической независимостью. В той мере, в какой колонии являлись «новой политической организацией» [124, р. 4, 10], они конфликтовали с набирающим силу понятием территориальной целостности, озвученным в рамках государственной и национальной идеологии. Напротив, «колонизация» была очень популярна. Она дала пространственное выражение желанию реализовать цивилизаторскую миссию, понимаемую по-разному. Противники ставили под сомнение её осуществимость, но не её достоинства. Тем не менее эти заявления включали различную мотивацию. Некоторые, но не все, были связаны с колониальной и даже имперской точкой зрения. Споры разгорались после военного поражения, во времена ожидания реформ и усилились после политических и социальных кризисов, которые происходили с нарастающей степенью опасности (1881, 1891, 1905–1907). Независимо от успехов в трансформации территорий (которые были значительны, по крайней мере, в Сибири), к колонизации стремились с постоянным чувством амбивалентности, удачно переданным Ремневым и Суворовой в образе «сомнительных культуртрегеров» [17, с. 219–221]. Именно поэтому, по замечанию Сандерленда, для обозначения этого явления использовалось не одно слово, а два: «колонизация» и «переселение». Эксперты разрабатывали этот вопрос на основе дихо-

томии переселения/колонизации Леруа-Больё, которая охватывала и дикость, и культурное пре-восходство. Эта двойная терминология проецировала культурную дистанцию, уже существовав-шую в цивилизаторском ядре, на периферию [13, p. 103–105; 125, с. 275].

«Переселение» было связано с неустойчивым распределением населения по территориям. Оно обозначало выживание в среде, которая, несмотря на трудности, могла романтизироваться. В лучшем случае оно удовлетворяло материальные потребности или нерасчетливую жадность бедноты. Оно могло привести к дерусификации, бедности и смерти, как изображено на картине С.В. Иванова «В дороге. Смерть переселенца (1889)».

«Колонизация», напротив, обозначала целенаправленную, экономически устойчивую и культурно влиятельную трансформацию среды. Только этот термин вызывал чувство националь-ного достоинства и ассоциировался с прогрессом. Эти два слова использовались вместе, но они также циклически противопоставлялись для высказываний о прошлых неудачах, которые вскоре будут преодолены благодаря будущим подходам. Значение колонизации со временем обогатилось новыми смыслами – от предоставления «помощи переселенцам» до организации жизни людей на новом месте и, наконец, после Революции 1917 г., строительства «государственной организации и социального производства».

Переселение стало целью, систематической политикой и специализированной сферой в конце 1870-х и начале 1880-х гг., когда крестьяне, интеллектуалы и правительственные чиновники в прямом и переносном смысле пересекли Уральские горы, преследуя параллельные, хотя и не всегда взаимоис-ключающие намерения. Крестьяне искали свой идеал лучшей жизни в пространственных терминах и перемещали его дальше на восток. Интеллектуалы изучали новые места и проецировали на них соб-ственные представления о гражданском долге и социально-политическом обновлении. Правительствен-ные чиновники видели в крестьянской миграции на азиатские окраины способ усиления государства после революционного кризиса 1881 г. Из узкого понимания миграции как «царской социальной поли-тики» выросло её восприятие как стратегического проекта интеграции и модернизации окраинных тер-риторий. Гибкость и неопределённость концепта позволили включить в него различные мотивации под знаменем «колонизации Азии», что дало возможность достичь компромисса, хотя и шаткого, между государственными приоритетами и служением народу.

Идеологическая насыщенность периода после 1907 г. отражала политическую нестабиль-ность и стремление к модернизации. Чрезвычайная ситуация, возникшая в результате беспреце-дентной волны переселения, совпала с некоторым «разочарованием в колонизационном потенциа-ле русского народа» [16, с. 170]. Эти факторы вызвали широко распространённую веру в то, что стихийность крестьянства как никогда раньше является недостаточным условием. Колонизация требовала неких широких впечатляющих жестов: специальных институтов, большего количества ресурсов, планирования, инфраструктуры, новых законов, образования или же сочетания всего пе-речисленного. Реформизм, последовавший за конфликтами 1905 г., ещё сильнее подчеркнул куль-турную значимость Азиатской России как поля для проверки величия Империи, достоинства Рос-сии как нации и её способности стать процветающей державой. Поэтому существовавшие ранее модели дискурса, такие как образ быстрорастущего нового общества, стали более выпуклыми. Прежний упор на ассимиляцию был частично модифицирован упованиями на создание лучшей России на окраинах.

Стремление заселять и развивать не обязательно должно было привести к единому автори-тарному плану. Действия чиновников на местном уровне иногда приводили к размыванию границ между назначенными правительством колонизаторами и представителями общества. Заведующего землеустройством и переселенческим делом Забайкальской области Д.М. Головачева характеризо-вали одновременно как сибирского патриота, влиятельного гласного городской думы и эффектив-

ного переселенческого чиновника [См. коллекцию некрологов в сибирской прессе: 126]. Ленин утверждал, что для того, чтобы начать эксплуатировать огромный азиатский потенциал, России нужны революция и новое государство. Среди идеологов Переселенческого управления такое отношение переросло в прометеево видение модернизации в сочетании с неограниченной волей. Их технократическая направленность являлась и причиной, и следствием полуутопического понимания развития окраинных территорий как крупномасштабной социальной трансформации. Именно поэтому *этот* компонент царской элиты в *это* время (1910–1914) стал определять Азиатскую Россию как колонию.

В их понимании это слово не обозначало территорию, заселённую нерусскими народами, которые будут подчиняться особым институтам. Оно обозначало мечту о пространстве, которое можно видоизменять, где реформаторы могут свободно строить каналы и железные дороги, основывать новые деревни и города, внедрять современные технологии, делать кочевников оседлыми, заниматься преобразованием русского крестьянина в «нового человека», и делать это без ограничений, накладываемых конкурирующими интересами министерств, консервативных землевладельцев или влиятельных губернаторов. Поэтому определение колонии предполагало акцент на образ Азиатской России как гигантского государственного имения. Нереализованное предложение превратить Переселенческое управление в министерство Азиатской России [127, р. 120–150; 21, с. 170] явилось логическим следствием желания дать реформаторам-колонизаторам власть для достижения этих целей. Гинс выдвинул, пожалуй, самый изощрённый аргумент в защиту такого пути развития, хотя образ «государственной плантации», доверенной колонизатору-законодателю, плохо сочетался с институциональными и политическими реалиями самодержавного государства позднего периода существования. В то же время, представление колонизации с производственной и демографической точки зрения позволило рассматривать её независимо от имперского образа правления [См. советский учебник двух дореволюционных специалистов: 128; для анализа взаимодействия колонизационной и деколонизационной политики в советский период, см.: 129]. В единственной сравнительной диаграмме в «Атласе Азиатской России» (1914) Переселенческого управления не упоминаются ни «империи», ни «колонии», не проводится различие между цивилизованным Западом и колониальным Востоком. В ней сравниваются «величина и населенность главнейших государств мира» (включая Китай, Аргентину и Норвегию). В каждом случае заселённая «метрополия», если таковая имеется, несколько произвольно отделяется от удалённых, не имеющих названия малонаселённых территорий. Демографическая плотность была единственным критерием пространственной дифференциации. В этом списке примеров Азиатская Россия отличается от европейской просто как окраинная территория, ждущая заселения и развития [130, с. 26]. В таком понимании колонизация смогла пережить крах империи и сохраниться в советский период как понятие, обозначающее совокупность методик и комплекс идей, взаимодействуя с идеологией совершенно другого государственного строя.

Список источников и литературы

1. *Азиатская Россия*: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия: В 3-х т. СПб.: Тип. Т-ва А.Ф. Маркса, 1914. Т. 1. 576 с.
2. *Holquist P.* Dilemmas of a Progressive Administrator: Baron Boris Nolde // *Kritika*. vol. 7. 2006. № 2. P. 241–273.
3. *Weaver John C.* The Great Land Rush and the Making of the Modern World, 1650-1900. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2003. 497 p.
4. *Treadgold D.* The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the War. Princeton: Princeton University Press, 1957. 278 p.

5. *Coquin François-Xavier*. La Sibérie: peuplement et immigration paysanne au XIX siècle. Paris: Institut d'études slaves, 1969. 789 p.
6. *Скляров Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л.: Наука, 1962. 558 с.
7. *Breyfogle N.* Russian colonizations: An introduction // *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* / Ed. By N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; N. Y.: Routledge, 2007. P. 1–18.
8. *Breyfogle N.* Enduring Imperium: Russia/Soviet Union/Eurasia as Multiethnic, Multiconfessional Space // *Ab Imperio*. 2008. № 1. P. 75–129.
9. *Sunderland W.* What is Asia to Us? Scholarship on the Tsarist 'East' since the 1990 s. // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. vol. 12. 2011. № 4. P. 817–833.
10. *Bassin M.* Visions of Empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840 – 1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 329 p.
11. *Bassin M.* Turner, Solov'ev, and the 'Frontier Hypothesis': The Nationalist Signification of Open Spaces // *Journal of Modern History*. vol. 65. 1993. № 3. P. 473–511.
12. *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 264 p.
13. *Sunderland W.* Empire without Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia // *Ab Imperio*. 2003. №. 2. P. 101–14.
14. *Sunderland W.* Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonisation and the Eastern Frontier, 1880–1910s. // *Journal of Social History*. vol. 34. 2001. № 1. P. 895–922.
15. *Ремнев А.В.* Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 135–158.
16. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. № 3/4. С. 150–191.
17. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой, или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.
18. *Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011. 264 p.
19. *Moon D.* Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897 // *The Historical Journal*. vol. 40. 1997. № 4. P. 859–893.
20. *Sunderland, W, Holquist, P., Geraci, R., McDonald, D.*, Colonialism and Technocracy at the End of the Tsarist Era // *Slavic Review*. vol. 69. 2010. № 1 P. 120–188.
21. *Ремнев А.В.* Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без Министерства колоний – русский «sonderweg»? // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): [сборник / ред.: М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер]*. М., 2010. С. 150–181.
22. *Sunderland W.* The 'Colonization Question': Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. vol. 48. 2000. № 2. P. 210–232.
23. *Donald Mc D.* Russian Statecraft after the Imperial Turn: the Urge to Colonize? // *Slavic Review*. vol. 69. Spring, 2010. № 1. P. 185–188.
24. *Клаус А.А.* Наши колонии. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. 516 с.
25. *Stanziani A.* The Traveling Panopticon: Labor Institutions and Labor Practices in Russia and Britain in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Comparative Studies in Society and History*. vol. 51. 2009. № 4. P. 715–741.
26. *Breyfogle B N.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, Cornell University Press, 2005. 347 p.

27. *Гинс Г.К.* Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912). Пг.: ГУЗЗ, 1914. 397 с.
28. *ПСЗ РИ – II*
29. *Христофоров И.* Между частным и казенным: крестьянская реформа в государственной деревне, либеральная доктрина и споры о собственности // *Российская история*. 2011. № 2. С. 93–109.
30. *Христофоров И.* От Сперанского до Столыпина. Крестьянская реформа и проблема землеустройства // *Российская история*. 2011. № 4. С. 27–43.
31. *Соловьев С.М.* О влиянии природы русской государственной области на ее историю // *Отечественные записки*. 1850. № 2. С. 229–244.
32. *Ещевский С.В.* Русская колонизация северо-восточного края // *Вестник Европы*. 1866. № 1. С. 211–257.
33. *Щапов А.П.* Земство // *Щапов А.П. Сочинения*. В 3-х т. СПб.: Пирожков, 1906. т. 1. С. 753–759.
34. *Бестужев-Рюмин К.Н.* О колонизации великорусского племени // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1867. т. 134. С. 776–784.
35. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Ключевский В.О. Сочинения*. В 9 тт. М., 1987. т. 1. 432 с.
36. *Герцен А.И.* Письмо к Джузеппе Мадзини // *Собрание сочинений*. М.: АН СССР, 1954–1965. Т. 13. С. 339–347.
37. *Masoero A.* La funzione dell'empio americano in Herzen e Černyševskij // *Masoero A., Venturi A. Il pensiero sociale russo. Modelli stranieri e contesto nazionale*. Milan: Franco Angeli, 2000. P. 33–93.
38. *Долбилов М.Д., Миллер А.И.* Западные окраины в 1855 – 1862 гг. // *Западные окраины Российской империи*. М.: НЛО, 2006. С. 123–176.
39. *Венюков М.И.* Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии (1867) // *Колокол*. № 9. Репринт: Москва: Наука, 1964. С. 1–10.
40. *Венюков М.И.* Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб.: Безобразов. 1877. С. 68–134.
41. *М.В. (М.В. Венюков)* Вопрос о колонизации // *Время*. 1861. № 10. С. 1–16.
42. *Ремнев А.В.* У истоков российской имперской геополитики: азиатские пограничные пространства в исследованиях М.И. Венюкова // *Исторические записки / Рос. акад. наук, отд-ние истории*. М., 2001. Вып. 4. С. 344–369.
43. *Есаков В.А.* Михаил Иванович Венюков, 1832–1901. М.: Наука, 2002. 242 с.
44. *Завалишин Д.* Колония как важная ступень в развитии человечества // *Восточное обозрение*. 1883. 23 июня.
45. *Roscher W G.F.* Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. 2nd ed. Leipzig: Winter, 1885.
46. *Березин И.Н.* Метрополия и колония // *Отечественные записки*. 1858. № 3. С. 84–115.
47. *О европейских колониях*. О сочинении Рошера «Kolonien und kolonialpolitik» // *Сибирский сборник*. СПб., 1887.
48. *Риттер К.* Землеведение Азии. СПб.: Безобразов, 1856. т. 1. 736 с.
49. *Сухова Н.Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. Л.: Наука, 1990. 206 с.
50. *Леруа-Больё П.* Колонизация у новейших народов. СПб: Общественная польза, 1877. 528 с.
51. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Омский гос. университет, 1997, 252 с.

52. *Masoero A.* Il regionalismo siberiano nel contesto imperiale russo, 1855–1907 // *Rivista storica italiana*. vol. 116. 2004. № 3. С. 1044–1058.
53. *Ремнев А.В.* Западные истоки сибирского областничества // *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли: [сб. ст.] / Ин-т рос. истории РАН. СПб., 1997. С. 142–156.*
54. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
55. *Renner A.* Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the 'Invention' of National Politics // *The Slavonic and East European Review*. vol. 81. 2003. № 4. С. 659–682.
56. *Maiorova O.* From the Shadow of Empire. Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison: University of Wisconsin Press, 2010. 277 с.
57. *О колонизации* // *Век*. 1861. 7 июля. № 22.
58. *Steven G. Marks.* Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. Ithaca: Cornell University Press, 1991. 240 p.
59. *РГБ ОР*
60. *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб: Тип. М. Стасюлевича. Т. 1. 565 с.; Т. 2. 1008 с.
61. *Ядринцев Н.М.* Положение переселенцев в Сибири // *Вестник в Европе*. 1881. № 7/8. С. 601–620.
62. *Ядринцев Н.М.* Наши выселения и колонизация // *Вестник Европы*. 1880. № 7. С. 448–486.
63. *Бунге Н.Х.* Загробные заметки // *Река времени*. 1995. № 1. С. 198–254.
64. *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80 – 90-е гг. XIX века // *Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в.* Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1982. С. 103–123.
65. *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Скороходов, 1894. 291 с.
66. *Кондратьев Н.Д.* Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М.М. Ковалевского // *Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851–1916)*. Пг.: Артистич. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917. С. 196–217.
67. *Колонизация Сибири* в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Государственная типография, 1900. 374 с.
68. *Сибирь* в составе Российской империи // *Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев.* М.: НЛЮ, 2007. 368 с.
69. *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / ed. Ronald G. Suny and Terry Martin. New York: Oxford University Press, 2001. P. 111–144.
70. *От Владивостока до Уральска.* Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. СПб.: Министерство внутренних дел, 1891. 461 с.
71. *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton: Princeton University Press, 2000. 580 p.
72. *Журнал Комитета* Сибирской железной дороги. 27 января 1899 // *Материалы канцелярии Комитета Министров.* СПб., 1899. Т. 7.
73. *Южаков С.Н.* Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб.: Русская скоропечатня, 1885. 106 с.
74. *Южаков С.Н.* Переселенческий вопрос // *Северный вестник*. 1886. № 8. С. 25–48.

75. ГИАОО

76. Корнилов А.А. Воспоминания // Минувшее. 1991. № 11. С. 9–118.

77. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж: В.И. Исаев, 1900. 474 с.

78. Campbell I. W. Settlement Promoted, Settlement Contested: The Shcherbina Expedition of 1896–1903 // *Central Asian Survey*. vol. 30. 2011. № 3–4. P. 423–436.

79. Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 2. СПб.; Лейпциг, 1897. 247 с.

80. Laruelle M. 'The White Tsar': Romantic Imperialism in Russia's Legitimizing of Conquering the Far East // *Acta Slavica Iaponica*. vol. 25. 2008. P. 113–134.

81. Schimmelpenninck Van der Oye D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, Northern Illinois Press: 2006. 329 p.

82. McDonald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. 276 p.

83. Чиркин Г.Ф. Отчетная записка о поездке весной 1916 г. в Астрабадскую и Мазандеранскую провинции Северной Персии. Пг.: ГУЗЗ, 1916. 45 с.

84. Чиркин Г.Ф. Колониальные интересы в современной войне и наши задачи на Ближнем Востоке. Пг.: ГУЗЗ, 1915. 25 с.

85. Holquist P. In Accord with State Interest and the 'People's Wishes'. The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. vol. 69. 2010. № 1. 151–179 p.

86. Хвостов А. Русский Китай: наша первая колония на Дальнем Востоке // *Вестник Европы*. т. 36. 1902. № 10. С. 653–696.

87. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // *Сибирская Заимка: история Сибири в научных публикациях: Электрон. журн.* 2002. № 8.: [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://zaimka.ru/remnev-border> (дата обращения 29.08.2011)

88. Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М.: Народное право, 1906. 37 с.

89. Успенский А. Действительность, а не мечты // *Вопросы колонизации*. 1907 № 2. С. 1–28.

90. Витте С.Ю. Внутреннее обозрение. Значение колонизации Сибири и будущность наших тихоокеанских портов, по всеподданнейшему докладу министра финансов // *Русское экономическое обозрение*. т. 8. 1903. № 2. С. 84–92.

91. Воицинин В.П. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912. 148 с.

92. Сообщение Н.Л. Скалозубова о сибирских вопросах в Государственной думе (25 июля 1910) // *Сибирский листок*. 1908–1911 // Сост.: В. К. Белобородов, Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 389–398.

93. Стишинский А. Гг. Губернаторам. Циркулярно, январь 11, 1893, 3 13771 // *Материалы земского отдела*. СПб.: Министерство внутренних дел, 1882 – 1895. С. 1–7.

94. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 444 с.

95. Masoero A. Autorita e territorio nella colonizzazione siberiana // *Rivista Storica Italiana*. vol. 115. 2003. № 2. P. 439–486.

96. Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 гг. // *Полное собрание сочинений*. М.: Изд-во политической литературы, 1979. Т. 16. С. 193–413.

97. Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // *Вопросы истории*. 1997. № 4. С. 107–126.

98. *Столыпин П.А.* – Николаю Романову, 26 сентября 1910. Из переписки П.А. Столыпина с Николаем Романовым // Красный архив. Т. 5. 1928. № 30. С. 82–83.
99. *Записка Председателя Совета министров* и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. СПб.: Государственная типография, 1910. 140 с.
100. *Чиркин Г.Ф.* О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 1–37.
101. *Вощинин В.П.* На сибирском просторе. Картины переселения. СПб.: Наш век, 1912. 91 с.
102. *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения. 1906–1921. М.: Русский путь, 2001. 375 с.
103. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 13. С. 39–99.
104. *Розен А.Е.* Записки декабриста. Лейпциг: Duncker & Humblott 1870. 435 с.
105. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп., иллюстр. 16 сиб. видами и типами. СПб.: И.М. Сибиряков, 1892. XII. 720 с.
106. *Потанин Г.Н.* Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под ред. П.П. Семенова. СПб. – М.: Вольф, 1884. Т. 11. Западная Сибирь. С. 31–48.
107. *Guins G.* Professor and Government Official: Russia, China, and California. Berkeley: University of California, Bancroft Library, Regional Oral History Office, 1966. 364 p.
108. *Положение о поземельном устройстве* крестьян и инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей // Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы / под ред. Р.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2, с. 275–287.
109. *Kotsonis Y.* The Problem of the Individual in the Stolypin Reforms // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* vol. 12. 2011. № 1. P. 25–52.
110. *Sartori P.* Colonial Legislation Meets Shari'a: Muslims' Land Rights in Russian Turkestan // *Central Asian Survey.* vol. 29. March 2010. № 1. P. 43–60.
111. *Pravilova E.* The Property of Empire: Islamic Law and Russian Agrarian Policy in Transcaucasia and Turkestan // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* vol. 12. 2011. № 2. P. 353–86.
112. *Masoero A.* Layers of Property in the Tsar's Settlement Colony. Projects of Land Privatization in Siberia in the Late 19th Century // *Central Asia Survey.* vol. 29. March 2010. № 1. P. 9–32.
113. *Праздников А.А., Сборовский Н.А., Шуман Н.К.* Нарымский край. Сводка отчетных данных по обследованию в 1908 – 1909 гг. чинами Томской переселенческой организации левобережной по Оби части Нарымского края. Томск: Сибирское товарищество печатного дела, 1910. 76 с.
114. *Pravilova E.* Les 'res publicae' russes. Discours sur la propriété publique a la fin de l'empire // *Annales. Histoire, Sciences Sociales.* vol. 64. 2009. № 3. P. 579–609.
115. *Скорняков Е.Е.* Орошение пустынь штата Айдаго в Северной Америке на основании закона Керри. СПб.: Р. Голике и А. Вельборг, 1911. 78 с.
116. *Gerasimov I.V.* Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia: Rural Professionals and Self-organizations, 1905-1930. New York: Palgrave MacMillan, 2009. 325 p.
117. *Скалозубов Н.* Письма депутатов (14 мая 1909) // *Сибирский листок.* 1908–1911. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 183–185.
118. *Steinwedel C.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance // *Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History.*: Routledge, 2007. P. 128–147.

119. *Bacon F.* Of Plantations // *Bacon's Essays*. Boston and New York: C.S. Francis & Co., 1857. 536 p.
120. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. СПб.: Ф. Вайсберг и П. Гершунина, 1913. Вып. 1. 49 с.
121. *Stanziani A.* L'économie en revolution. Le cas russe, 1870-1930. Paris: Albin Michel, 1998. 519 p.
122. *Воицинин В.* Государственно-неотложные задачи колонизации // *Очередные вопросы колонизации*. 1919. № 1. С. 9–13.
123. Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's appropriation of the Crimea // *Slavic Review*. vol. 60 2001. № 1. P. 1–23.
124. *Osterhammel J.* *Colonialism: a Theoretical Overview*. Princeton: Markus Wiener Publishers, 2005. 146 p.
125. *Эткинд А.* Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–298.
126. *Дмитрий Михайлович Головачев.* Некролог // *Вопросы колонизации*. 1914. № 14. 447–459.
127. *Sunderland W.* The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was But Might Have Been // *Slavic Review*. vol. 69. Spring 2010. № 1. P. 120–150.
128. *Ямзин И.Л., Воицинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. 332 с.
129. *Pianciola N.* Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale, 1905–1936. Rome: Viella, 2009. 548 p.
130. *Атлас Азиатской России.* Карта 7. Диаграмма величины и населенности главнейших государств мира. СПб.: Издательство Переселенческого управления ГУЗЗ, 1914. 138 с.

A. Masoero

**Territorial Colonization in Late Imperial Russia:
Stages in the Development of a Concept**

Summary. This essay explores the colonization discourse articulated by Russia's intellectual and administrative elite, including unofficial and oppositionist components. It traces how a modern vision of resettlement emerged from older patterns of territorial transformation, careful study of the Western colonial experience, and the need to respond to the challenges created by the political and intellectual context of the postreform era.

Key words: colonization, resettlement Resettlement management.

УДК 330.8 (4)

С.К. Лебедев

АДОЛЬФ РОТШТЕЙН И РУССКО-КИТАЙСКИЙ БАНК

Часть материалов статьи собрана в рамках проекта «Россия и мир в конце XIX – первой половине XX в.», проект РГНФ № 16-01-14056

Аннотация. В статье анализируется деятельность А.Ю. Ротштейна – главного финансового эксперта министра финансов С.Ю. Витте, директора Санкт-Петербургского международного и Русско-Китайского коммерческого банков. На основе анализа деловой корреспонденции менеджеров международных банков, в частности А. Ротштейна, показана роль финансовых экспертов в от-